

го пострадала политическая линия романа, потому что в Голливуде всегда боялись вызвать чье-либо неудовольствие. Поэтому у них никогда не было своего мнения. Они никогда не говорили четко, кто прав, а кто виноват. У Хемингуэя же, конечно, была своя твердая позиция. Поэтому, когда он вернулся из Китая и мы снова встретились, я спросила его с надеждой:

— Ты видел фильм?

— Да, пять раз, — ответил он.

— О, — сказала я с восторгом, — пять раз! Он тебе что же, так понравился?

— Нет, отнюдь нет. Я приходил на него, но выдерживал не более пяти минут и уходил. Они выбросили самые лучшие сцены, и фильм лишился какого-либо смысла. Поэтому потом я снова шел в кинотеатр, уже теперь настроившись посмотреть фильм до конца, но снова выдерживал лишь чуть больше, чем в предыдущий раз. И так все пять раз, пока я наконец не досмотрел его до конца. Вот как он мне понравился.

Многие друзья Ингрид Бергмак писали ей ободряющие письма, когда в Италии разразился скандал по поводу ее связи с Роберто Росселини и рождения у них ребенка. С виллы «Априле», из Кортини д'Ампеццо, откликнулся и Эрнест Хемингуэй. Он написал карандашом:

«Дорогая Ингрид! Как тебе нравится Калабрия? У меня сложилось определенное представление о тамошних людях (красивые, но очень грязные). Как ты поживаешь? Ведь это самое главное. (Может быть, и ты теперь тоже очень красивая и очень грязная?)»

Твое письмо с теплым P. S. от Петтера застало меня в больнице в Падуе, куда я попал из-за воспаления глаза. Оно началось у меня в тот самый день, как я приехал в Италию. Не это ли называется «контакт на расстоянии»? Сейчас мне делают энную инъекцию пенициллина (меня регулярно колот в ягодицу с точностью механизма каждые три часа), температура снова стала нормальной, и инфекция, которая перешла в рожистое воспаление (ничего общего с сифилисом!), наконец побеждена...

Продолжение письма:

«Написав первую половину письма, я разболелся еще больше, пришлось принять много пенициллина, глаз стал настолько плохим, что я не смог больше писать. Потом я прочитал все о тебе и Росселини и не знаю, что писать. Сейчас у меня есть время обдумать все это. Хотя я по-прежнему не знаю многого о происходящем, но я очень люблю тебя и отношусь к самым верным твоим друзьям, что бы ты ни делала или решила, или куда бы ни поехала. Единственно, на что я могу сетовать, так это на то, что мне тебя не хватает.

Послушай, моя девочка, сейчас я скажу тебе несколько слов серьезно. Это наша единственная жизнь, как я тебе уже когда-то говорил... Ты — большая антриса. Я это знаю еще с Нью-Йорка. А у больших артистов всегда возникают большие проблемы, рано или поздно. Если бы это не было, они бы гроша ломаного не стоили (нехорошее слово, можешь его вычеркнуть). Но все, что делают большие артисты, заслуживает прощения.

Я продолжаю свою речь: все принимаю неправильные решения. Но очень часто бывает так, что неправильные решения оказываются правильными, хотя их принимали неправильно. Я кончил. И еще одна вещь: НЕ волнуйся, это никогда НЕ ПОМОГАЛО. Кончаю свои выступления. Девочка моя, не беспокойся, будь доброй и умницей. Знай, что совсем не так уж далеко от тебя есть двое, Мэри и я, которые тебя любят и уважают... Возможно, у тебя родятся пятеро, и я впервые в жизни стану крестным отцом.

Если ты действительно любишь Роберто, передай ему от нас привет и скажи, что он всегда должен быть чертовски добр к тебе, иначе Мистер Папа в один прекрасный день придет и убьет его, когда у него будет свободное утро.

Эрнест.

P. S. Это скучное письмо, но мы живем в скучные времена из когда-либо существовавших, как мне кажется. Но это наша единственная жизнь, поэтому надо монотонно жаловаться на свою долю. У нас отлично в Италии. Я люблю Венецию в межсезонье: кругом простирается сельская местность, а Доломиты — лучшие горы, которые я знаю. Я хотел бы, чтобы ты не работала и могла навестить нас в Кортину д'Ампеццо. Я пытался дозвониться до тебя из больницы, но они сказали, что там, где ты сейчас находишься, нет телефона.

Это письмо, возможно, никогда не дойдет до тебя. Особенно, если я забуду отписать его по почте. Всего тебе доброго, мой дорогой друг. Мэри желает тебе всего наилучшего.

З. (Мистер Папа)».

Эрнест Хемингуэй позвонил мне незадолго до рождения сына в Рим.

— В чем дело? Неужели Америка совсем потеряла голову? Столько шума вокруг ребенка. Просто смешно! Я надеюсь, что у тебя будет двойня и я смогу стать их крестным отцом. Обязуюсь сам внести их в церковь Святого Петра, держа каждого под мышкой. Что я еще могу сделать для тебя?

— Не мог бы ты все это сказать какому-либо журналисту, Эрнест? — попросила я. — Каждая газета так и брызжет ненавистью и злобой. Скажи им. Больше никто ведь на это не решится.

— Конечно, конечно, — сказал он.

И сделал так, как сказал. На следующей неделе на первой полосе в газете появилась фотография Папы и его слова: «Что же это за глупости? Видите ли, у нее будет ребенок. Ну и что с того? У женщин всегда рождаются дети. Я горжусь ею и рад за нее. Она любит Роберто, и он любит ее, и они хотят иметь ребенка. Надо радоваться вместе с ней, а не осуждать ее».

В 8 часов вечера огромный самолет вынырнул из свинцовых облаков и пошел на посадку в аэропорту Айдулайд. Ингрид Бергман с опаской поглядывала на ожидающие толпы людей. Глаза ее широко раскрылись: не снится ли ей все это? Все они пришли сюда ради нее? После всех прошедших лет?.. Небольшая группа людей стояла за колючей проволокой с белым плакатом в руках: «Мы любим тебя, Ингрид! Добро пожаловать домой, Ингрид!».

Этой встрече предшествовало следующее. Конечно, я спрашивала себя, разумно ли ехать в Америку, особенно когда этого так не хотели Роберто и его брат Ренцо... Но ведь я никогда не обещала больше не видеть Америки. Я была так глубоко оскорблена там, что полагала: пока буду жива, ноги моей там не будет. Но когда мне протянули руку, я поняла, что есть много американцев, которые хотели бы видеть меня, что у меня всегда было много верных поклонников в Америке.

Я знала, что буду вынуждена встретиться с американской прессой в Нью-Йорке и что они будут спрашивать меня обо всем на свете...

Из вестибюля гостиницы в Риме мне позвонил журналист Леонард Лионс. Он всегда был очень добр ко мне, хотя наше знакомство было непродолжительным. Он сказал:

— Ингрид, я внизу, в баре твоей гостиницы, и вместе со мной один из твоих преданнейших почитателей, он готов разбить голову всем, кто будет тебе мешать. Это Папа Хемингуэй. Можем ли мы подняться к тебе?

Они поднялись, и мы расцеловались. Эрнест посмотрел на меня поверх очков и сказал очень серьезно:

— Моя девочка, я хочу поехать с тобой в Нью-Йорк, чтобы защитить тебя. Мне это ничего не стоит: рано утром я сяду вместе с тобой в самолет и помогу тебе. Если придет какой-нибудь чертов репортер с дурацкими вопросами, я вспылю ему как следует. Никто не сможет тебе докучать, пока я рядом.

— Это очень лезебно с твоей стороны, Папа, — ответила я, — но я должна ехать туда одна. Если со мной будет секретарь или кто-нибудь из пресс-службы, подруга, муж или ты, когда я приеду, они только скажут: «Смотрите, она притачила с собой своих поклонников, значит, она боится!» Я думаю, что мне придется быть там совершенно одной и беззащитной, но иначе туда я не могу вернуться. Я должна ехать совершенно одна.

И лишь в 1972 году в Вашингтоне Ингрид Бергман, к ее великому удивлению, попросила выступить в Национальной ассоциации прессы. Этой минуты Ингрид ждала 22 года. Ей так и не удалось вытравить из памяти ужасную речь сенатора Джонсона против нее, произнесенную им в сенате в марте 1950 года и запроотоколированную в архивах конгресса...

Никогда еще в истории Национальной ассоциации прессы не было такой пресс-конференции: число критиков, журналистов, писателей, репортеров радио и ТВ намного превышало то, что было на известных до тех пор пресс-конференциях, когда, например, выступал Хрущев или первые астронавты, побывавшие на Луне... «Я всегда развлекала других, — сказала она, — таково уж мое ремесло. Это особая

индивидуальность моего таланта в сочетании с удачей и тяжелой работой... Я люблю людей, детей, оставшихся без родителей, и в этом было мое единственное соприкосновение с политикой»...



Г. Паскаль⁵ несколько раз приезжал навестить меня в Калифорнию. Он предлагал мне сыграть в «Кандиде», в кино или в театре, но меня не привлекало ни то, ни другое. И я была очень удивлена, когда однажды он сказал мне: «Господин Шоу интересуется, не заглянешь ли ты к нему домой на чашечку чая». «Ничего не может быть лучше, — ответила я. — Я с большим удовольствием встречу с господином Шоу».

«Он хочет повидать тебя, — продолжал Габриэль предостерегающе, — потому что знает, что ты сыграла Жанну д'Арк в Америке в одноименной пьесе, написанной не им. А он ведь отпирал тебе свою пьесу».

Мы отправились в Херфордшир и были встречены широко улыбающимся Шоу, который в свои 92 года буквально повис на ограде, поджидая нас. Едва он открыл перед нами калитку, как сразу же спросил:

— Почему же вы не сыграли в моей пьесе?

— Я не сделала этого, потому что она мне не понравилась.

Он резко замолчал. На какое-то мгновение мне даже показалось, что он хочет снова выпихнуть меня за калитку. У меня было такое чувство, что еще никто в мире не говорил Шоу, что ему не нравится его «Жанна д'Арк». Может быть, они говорили это о других его пьесах, но не о «Жанне д'Арк».

Он смотрел на меня в упор:

— Что вы такое говорите? Разве вы не знаете, что это шедевр?

— Да, это, безусловно, шедевр, но это пьеса не о реальной Жанне, которая жила. У вас она слишком интеллигентная. Вы дали ей массу реплик. Она говорит у вас то, что в действительности никогда не могла бы сказать.

Мы по-прежнему еще не вошли в дом, а только направлялись к двери, и я подумала: «Он теперь так зол на меня, что ни за что не впустит внутрь дома. И, конечно, не будет никакого чая».

Но Шоу вдруг стал смеяться; мы уже вошли в дом, а он все продолжал смеяться, пока мы пили чай.

— Ни один человек на свете не рискнул бы сказать мне что-либо подобное. А тут вдруг появляется юная девушка из Голливуда, как тебя зовут? Ах, да, вспомнил. Ты будешь, говорят, большой актрисой, и все-таки ты не хочешь играть в моей «Жанне д'Арк». А в каких других моих пьесах ты играла?

— Я никогда еще не играла ни в одной из ваших пьес.

— Моя дорогая девочка, значит, ты еще ничего не сделала в своей жизни.

Мы сидели и говорили о разных пьесах, об актрисах, которых он знал, о моей работе, о М. Андерсоне и особенно много о его пьесах...

Наконец пришло время ехать домой. Я видела, что для Шоу было очень трудно подняться с кресла, но сказала себе: «Я не буду ему помогать. Это гордый старый человек. Мы последние из тех, кого он хотел видеть». А он боролся и боролся с собой, и наконец Габриэль подошел к нему, чтобы помочь подняться. Но Шоу страшно рассердился. Провожая нас к машине, он сказал:

— Вы приедете еще раз навестить меня?

— С большим удовольствием, — ответила я. — На следующей неделе при-

⁵ Г. Паскаль — венгр, впоследствии продюсер, эмигрировавший в Англию в 30-х годах.

⁶ М. Андерсон — шведский драматург, написавший пьесу «Жанна д'Арк», в которой Бергман с успехом исполнила главную роль.

езжает мой муж, и я бы хотела познать его с вами. Тогда мы снова заедем к вам во время уик-энда.

Он посмотрел на меня с хитрой усмешкой в маленьких глазках:

— Меньше всего меня интересует ваш муж, я хочу видеть вас.

Его глаза были полны задора и доброжелательности, он был абсолютно уверен в том, что убедил эту женщину приехать к нему еще раз. И все это в 92 года! Мне так больно, что больше я его никогда не видела!



В 1946 году Ингрид Бергман снялась в «Триумфальной арке». В фильм вложила деньги вновь созданная кинокомпания «Энтерпрайз филмс». Вся группа была движима единым желанием сделать картину высокого качества и поделить доходы между правлением, писателем, режиссером, артистами и техническим персоналом, конечно, если доходы будут. Это был первый фильм новой кинокомпания, и они собрали в нем настоящих звезд. Фильм делался по роману Ремарка. Сам писатель обосновался в Париже и в 1946 году думал о том, чтобы переехать в Нью-Йорк и стать американским подданным. Это был очень талантливый писатель, и его теплое участие в судьбе шведской актрисы ощущается в каждом письме, адресованном ей. А он написал ей их много.

«Стоят сентябрьские дни. Они, как стрелы, вонзаются в сердце. Дни проносятся, полные невыразимой грусти, нескончаемых надежд и постоянных обещаний, тихие, отливающие золотом дни, дни без раскаяния. Мистический девятый месяц года приходит, чтобы подчеркнуть яркость молодости, начало новой жизни, осознание, но без покорности. Есть такое вино, «Оппенгеймер-37», если представится возможность, я приобрету пару бутылочек. Здесь оно есть. Позвони, когда надумаешь приехать, и только сообщи, что ты здесь, и мы разольем бутылочку этого сентябрьского вина. Но не собирайся слишком долго, жизнь и вино не ждут; сентябрь тоже удивительный месяц, но после него наступают мрачные времена и бесконечные дожди в ноябре».

Для «Триумфальной арки» пора дождей пришла рано. Фильм получился грустным и удручающим рассказом о Париже, окутанном дождем и светом фонарей, в самый канун войны, жители которого живут непонятной и неопределенной жизнью...

«Триумфальная арка» относится к тем немногим фильмам в моей жизни, участие в котором я считаю ошибкой. Я не хотела сниматься в нем и так и сказала руководству кинокомпания, но они заупрямились. Мне же предстояло играть вместе с другими изумительными артистами. Поэтому в конце концов я согласилась: было бы безумием отказаться от съемок в картине. Но я все время не верила в самое себя и боялась быть неубедительной. К тому же фильм оказался еще и немисливо растянутым, хотя кинокомпания вырезала самые длинные сцены, что не могло не повлиять на смысловую линию. Здравый смысл и массовые сборы предвещали успех фильму: ведь в нем снимались две кинозвезды, которые были так подобны в «Газовом свете»⁷. Но этого не произошло. Газета «Нью-Йорк Таймс» писала: «Постоянно движущаяся камера Л. Милестоуна — режиссера и сценариста этой картины — запечатлела любовь, сыгранную самими искусными мастерами киноэкрана, в повторяющихся и слишком длинных сценах. Напрашивается вопрос: минус ли это? Ответить можно так: слишком много хорошего — тоже слишком много».

⁷ «Газовый свет» — фильм американского режиссера Дж. Кьююра.